

А. В. МАХЛАЮК

## CASTRENSIS IURISDICTIO И ПРАВОВОЙ СТАТУС ВОИНОВ В РИМСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ\*

В статье рассматриваются процессуальные приемы, характерные для римского гражданского права, касавшиеся привилегий военных. Анализ правовых источников позволяет утверждать, что юридический статус римских солдат отличался известной двойственностью. С одной стороны, солдатам предоставлялись существенные преимущества и привилегии, обусловленные специфическими нуждами и требованиями военной дисциплины и службы в профессиональной армии. С другой стороны, легионеры (и преторианцы) рассматривались как римские граждане, подчинявшиеся общим юридическим принципам. Официально признанный *simplicitas militum*, упрощенный порядок судебного рассмотрения дел, касавшихся солдат, с применением различных юридических уловок, несомненно повлиял на восприятие армейского и солдатского правового статуса гражданским обществом и способствовал формированию специфического образа *castrensis iurisdictio* в том виде, в каком он представлен в литературных источниках.

**Ключевые слова:** римское гражданское право, римские солдаты, *simplicitas militum*, *castrensis iurisdictio*

В «Жизнеописании Юлия Агриколы» Тацит, желая подчеркнуть, что достоинства его тестя не ограничивались только военным поприщем, указывает, что, став наместником провинции Аквитании, он отлично справлялся и с гражданскими тяжбами — вопреки распространенному мнению, согласно которому «большинство военных людей неспособно разбираться в тонкостях судопроизводства, так как чинимое в лагерях правосудие отличается простотой и решительностью и многое рубит с плеча, обходясь без дотошности и хитроумия форума»<sup>1</sup> (пер. А. С. Бобовича). В данном пассаже Тацит следует довольно распространенному топосу, подчеркивающему неискренность настоящих *viri militares* в судебных делах вообще и в судебном красноречии в частности. Например, Аммиан Марцеллин в подобном духе

\* Работа поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013 г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

<sup>1</sup> *Tac. Agr. 9. 2: Credunt plerique militaribus ingeniis subtilitatem deesse, quia castrensis iurisdictio secura et obtusior ac plura manu agens calliditatem fori non exerceat.*

характеризует Урзицина, магистра конницы на востоке: «Он был военным человеком, всегда служившим отечеству как воин и хороший военачальник, но был далек от судебных тяжб»<sup>1</sup>. Можно также указать отзыв одного из персонажей Тита Ливия о кандидатах в консулы 295 г. до н.э., хотя здесь речь идет в первую очередь о политическом красноречии: «... оба рождены для ратного дела, а в словесных состязаниях и ухищрениях не искусники»<sup>2</sup> (пер. Н. В. Брагинской). Квинтилиан, рассуждая о видах красноречия применительно к людям разных профессий и статусов, подчеркивал, что людям военным больше подходит простой стиль (*Inst. or. XI. 1. 32: simpliciora militares decent*). При этом, по мнению римского ратора, если в судебных речах затрагиваются воины, говорить о них надлежит с непререкаемым учетом их профессиональных интересов и ценностных ориентаций: «Если ты назовешь воинов жадными, прибавь, что нет ничего удивительного, если они считают переносимые ими опасности и проливаемую кровь достойными большего вознаграждения; называя их дерзкими, надо помнить, что они более привыкли к войне, нежели к миру»<sup>3</sup>.

В приведенных пассажах, относящихся к разным временам римской истории, вполне отчетливо звучит мысль об особом характере судопроизводства в армейской среде или с участием военнослужащих, которое явно противопоставляется той практике, что имела место среди гражданских лиц. До какой степени простоты и решительности подчас доходило такое «лагерное правосудие», может свидетельствовать рассказ Диона Кассия об одном эпизоде во время парфянского похода Каракаллы, в известном смысле подтверждающий приводимую Тацитом оценку армейского стиля судопроизводства. Согласно этому рассказу, «два воина, добыв мех с вином, предстали перед императором и каждый из них утверждал, что эта добыча принадлежит только ему; затем, получив от Антонина приказ поделить вино поровну, они обнажили мечи и рассекли мех пополам, рассчитывая, что каждый получит свою половину вместе с вином. Каково же было их почтение к императору, если они беспокоили его по таким пустякам, и каким же умом они обладали, если лишились [одновременно] и меха, и вина!» (*Dio Cass. LXXVIII. 1. 3–4*. Пер. К. В. Маркова). Здесь не только император, к которому Дион, как известно, относился без какой бы то ни было симпатии<sup>4</sup>, выставлен в глупом виде, поскольку взялся в общем-то не за свое дело<sup>5</sup>, но прежде всего солдаты показаны как совершенно дикие создания

<sup>1</sup> XIV. 9. 1: *Ursinus... bellicosus sane milesque et militum ductor, sed forensibus iurgiis longe discretus.*

<sup>2</sup> *Liv. X. 22. 6: esse praeterea viros natos militiae, factis magnos, ad verborum linguaeque certamine rudes.*

<sup>3</sup> *Quint. Inst. or. XI. 1. 88: si cupidos milites dicas, sed non mirum, quod periculorum ac sanguinis maiora sibi deberi praemia putent; eosdem petulantes, sed hoc fieri, quod bellis magis quam paci consuerint.*

<sup>4</sup> См., например: [Davenport, 2012].

<sup>5</sup> Известно, что подобные тяжбы и дисциплинарные проступки подчиненных непосредственно разбирали командиры разных рангов и военачальники в пределах своей компетенции. Эта обязанность, среди прочих, возлагалась на военных трибунов, которые должны были «*delicta secundum suae auctoritatis modum castigare... querellas commilitonum audire*» (*D. 49. 16. 12. 2*). Ср. *Polyb. VI. 37. 8*.

(такой взгляд на воинов вообще характерен для этого автора [de Blois, 1997, S. 2660–2675]).

Эти пассажи, однако, не сообщают никаких конкретных процессуально-правовых особенностей рассмотрения дел командующим во вверенных ему частях, но передают лишь то общее впечатление, какое о «лагерном правосудии» могло существовать у «штатских» правоведов, городских адвокатов, поднаторевших в тяжбах, и простых обывателей. Само собой разумеется, что в такой авторитарной и иерархической структуре, какой была императорская армия, основанная на беспрекословной власти командующего, вековых традициях и принципах римской воинской дисциплины со всем ее идеологическими импликациями и отработанными практическими приемами<sup>1</sup>, не было места для юридических процессуальных тонкостей и формальностей в отправлении правосудия, в особенности если дело касалось дисциплинарных проступков и воинских преступлений. Однако при всей своей корпоративной замкнутости профессиональная армия Римской империи отнюдь не была абсолютно закрытым «тотальным институтом». Легионеры (и преторианцы) оставались римскими гражданами и были вовлечены в разнообразные частноправовые отношения с представителями мирного населения. При этом, в силу специфических условий и требований профессиональной армии, ставивших военных в особое положение по сравнению с лицами штатскими (*pagani*, как они стали именоваться на армейском жаргоне, а со временем и в официальном юридическом языке<sup>2</sup>), в этих взаимоотношениях, нередко требовавших и судебного урегулирования конфликтов, неизбежно возникали непростые коллизии между воинским статусом и военным правом, с одной стороны, и базовыми юридическими принципами, на которых основывался гражданский процесс в Риме, и общим правом частных лиц (*commune ius privatorum*), с другой стороны<sup>3</sup>. Такие коллизии (количество которых, очевидно, возросло после реформ Септимия Севера, предоставившего военным более широкие имущественные права [Jung, 1982, S. 958]) требовали решения и с необходимостью привлекали серьезное внимание как законодателей (императоров), так и толкователей права (*iurisprudentes*) [Махлаюк, 2005; Махлаюк, 2006а; Махлаюк, 2007]. В юридических памятниках Римской империи (прежде всего в Кодексе Юстиниана и «Дигестах») сохранился ряд правовых норм и их интерпретаций, анализ которых позволяет судить о содержании, логике и характере тех привилегий и ограничений, что устанавливались императорскими властями в отношении военнотружущих.

Прежде чем непосредственно перейти к их рассмотрению, следует отметить, что источники, как юридические, так и литературные, недвусмысленно указывают на весьма существенные преимущества, которые римские военнотружущие в эпоху Империи получали при рассмотрении в суде споров по частноправовым делам с их участием [Jung, 1982, S. 948]. Показа-

<sup>1</sup> О римской дисциплине в этих ее аспекта см. прежде всего: [Phang, 2008], а также нашу работу: [Махлаюк, 2006, с. 276–298].

<sup>2</sup> Об эволюции этого термина см.: [Zeiller, 1917, p. 21–28] (с подборкой источников на p. 74–78).

<sup>3</sup> Общий очерк по этой теме см. в работе: [Giuffrè, 2007].

тельно в этом плане то обстоятельство, что само поступление на военную службу могло мотивироваться стремлением избежать ответственности по той или иной судебной тяжбе либо получить в деле преимущества перед «штатским» противником. По всей видимости, это была довольно-таки распространенная практика, с которой приходилось бороться достаточно строгими мерами. Об этом может, в частности, свидетельствовать конституция Септимия Севера и Каракаллы, согласно которой те, кто стремился вступить в армию, чтобы избежать судебного процесса, по требованию противной стороны подлежали увольнению из войска<sup>1</sup>. Равным образом подвергался отставке и тот, кто поступал на военную службу с сознательным намерением под прикрытием воинского звания получить преимущество перед своим противником<sup>2</sup>, и тот, кто делал это из-за опасения обвинительного приговора по делу, в котором был признан ответчиком<sup>3</sup>.

В чем же заключались содержание и суть этих преференций, ставивших солдат в особое положение сравнительно со «штатскими» в гражданском процессе? Как соотносятся данные преимущества с общими принципами судопроизводства по частным делам? Чем они обусловлены и какое имеют значение с точки зрения общественного и правового статуса военнослужащих императорской армии? Коррелируют ли они с той оценкой «лагерного правосудия», которую дает Тацит?

Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться не только к собственно юридическим текстам, но и к весьма интересному литературному свидетельству о гражданско-правовой судебной практике, связанной с военнослужащими. Это XVI незавершенная сатира Ювенала, посвященная такой теме, как выгоды военной службы<sup>4</sup>. Несмотря на сатирическую заостренность и очевидное сгущение красок, она дает очень важную информацию о правовых привилегиях воинов, причем не только преторианцев, которые, как полагал М. Дюрри, подразумеваются автором [Durry, 1935, p. 95–106], но, скорее всего, и легионеров [Clark, 1988, p. 114, not. 3]. Среди прочих *commoda militiae* сатирик указывает, во-первых, преимущество военнослужащего в отношении частноправовых деликтов (в данном случае речь идет об *iniuria atrox* — причинении телесных повреждений). Штатский (*paganus*), как пишет Ювенал, не только не посмеет ударить воина, но, напротив, получив удар, не станет обращаться к претору, потому что все равно выиграть дело у него не будет никаких шансов: ведь судьей для разбора дела будет назначен какой-нибудь центурион, поскольку, согласно древним законам и обычаю времен Камилла, солдат не должен судиться вне вала и дале-

<sup>1</sup> Cod. Iust. XII. 33[34]. 1: ... eos, qui litis causa militiam appetierunt, postulantibus adversariis solvi sacramentum solere.

<sup>2</sup> D. 49. 16. 4. 8 (Arrius Menander): Non omnis, qui litem habuit et ideo militaverit, exauctorari iubetur, sed qui eo animo militiae se dedit, ut sub optentu militiae pretiosioremse adversario faceret.

<sup>3</sup> D. 49. 16. 16 pr. (Paulus): Qui metu criminis, in quo iam reus fuerat postulatus, nomen militiae dedit, statim sacramento solvendus est.

<sup>4</sup> Об этой сатире в целом и проблеме ее аутентичности в частности см.: [Ercole, 1930; Highet, 1954, p. 154–60; 287–288, not. 4; Clark, 1988]. См. также комментарий к ней: [Courtney, 2013, p. 542–550].

ко от знамен, а в такой ситуации товарищи солдата-ответчика, присутствуя на разборе дела, дадут показания в его пользу<sup>1</sup>. Во-вторых, если простому обывателю, желающему отстоять свои нарушенные имущественные права, приходится годами ждать разбора тяжбы, да и потом терпеть бесконечные отсрочки и прочие тяготы, то воинам «время ведения дел предоставят, когда им угодно, в тяжбах задержки им нет, и дела их решаются скоро»<sup>2</sup> (пер. Ф. А. Петровского).

Как явствует из текста сатиры, военные имели право на рассмотрение частноправовых споров с гражданскими лицами в особом порядке, а именно в пределах лагеря — и в таком случае судьей назначался центурион — и без обычных проволочек, т. е., по сути дела, вне очереди<sup>3</sup>.

Что касается первого из названных Ювеналом преимуществ, то в современной науке не разделяется мнение таких авторитетных ученых, как Теодор Моммзен и Марсель Дюрри, считавших, что претор в данной ситуации не играл никакой роли и пострадавший должен был прямо обращаться к центуриону<sup>4</sup> [Mommsen, 1899, S. 288 f.] (такое обращение,

<sup>1</sup> *Iuv. Sat. XVI. 16–21:*

commoda tractemus primum communia, quorum  
 haut minimum illud erit, ne te pulsare togatus  
 audeat, immo, etsi pulsetur, dissimulet nec  
 audeat excussos praetori ostendere dentes  
 et nigram in facie tumidis liuoribus offam  
 atque oculum medico nil promittente relictum.  
 Bardaicus iudex datur haec punire uolenti  
 calceus et grandes magna ad subsellia surae  
 legibus antiquis castrorum et more Camilli  
 seruato, miles ne uallum litiget extra  
 et procul a signis. iustissima centurionum  
 cognitio est igitur de milite, nec mihi derit  
 ultio, si iustae defertur causa querellae.  
 tota cohors tamen est inimica, omnesque manipuli  
 consensu magno efficiunt curabilis ut sit  
 uindicta et grauior quam iniuria.

<sup>2</sup> *Iuv. XVI. 44–50:*

sed tum quoque mille ferenda  
 taedia, mille morae; totiens subsellia tantum  
 sternuntur, iam facundo ponente lacernas  
 Caedicio et Fusco iam micturiente parati  
 digredimur, lentaque fori pugnamus harena.  
 ast illis quos arma tegunt et balteus ambit  
 quod placitum est ipsis praestatur tempus agendi,  
 nec res atteritur longo sufflamine litis.

<sup>3</sup> Мне осталась недоступной работа, специально посвященная вопросу о сроках рассмотрения судебных дел в связи с данным свидетельством Ювенала: [Fagnoli, 2013].

<sup>4</sup> М. Дюрри считал, что в данном случае подразумевается *evocatus* (точнее, *evocatus a quaestionibus*, как в CIL XI, 2108 = ILS 2146; ср. CIL VI 2755 = ILS 2145); поэт же пишет о центурионе потому, что слово «эвокат» не подходило по размеру. См.: [Durry, 1935, p. 95, 104 suiv.; Durry, 1938, p. 283 suiv. Cp.: Sander, 1958, S. 229; Sander, 1960, S. 296].

впрочем, не исключалось, как показывают папирусные документы II в. н.э.<sup>1</sup>, но из текста Ювенала, который скорее изобличает трусость претора, отнюдь не очевидно, что гражданский не мог обратиться в компетентный суд [Jung, 1982, S. 958]. Более правомерным и обоснованным представляется вывод о том, что судебная практика, благоприятствовавшая воинам, вырабатывалась в преторском праве, с одной стороны, на основе существующих правовых механизмов и принципов, которые трактовались в благоприятном для военных смысле [Behrends, 1970, S. 210 ff.], а с другой — с учетом тех специфических условий, которые связаны со службой в постоянной профессиональной армии, подчиненной строгим нормам дисциплины и «моральному кодексу», определяемому воинской присягой [Vendrand-Voyer, 1983, p. 163—164]. Претор мог одновременно принять во внимание правила и общей процедуры, и той, что относилась к военной дисциплине, но, сознавая неравенство условий военнослужащего и гражданского, он предпочитал основываться на древней традиции, согласно которой дела воинов рассматривались только в лагере. Как истец против гражданского лица солдат пользовался обычной юрисдикцией и должен был судиться по месту совершения деликта (D. 48. 2. 22). К тому же в мирное время самим воинам и по спорам между собой надлежало обращаться к претору, как и всем прочим гражданам (D. 13. 6. 21. 1).

Следует иметь в виду, что классическое римское право различало собственно военные деликты и *delicta cum ceteris communia* (D. 49. 16. 2 pr.; ср. 49. 16. 6 pr.): последние могли рассматриваться на общих основаниях; однако не всегда ясно, рассматривался ли тот или иной деликт как воинский проступок либо как частное правонарушение, тем более что военный деликт мог присоединяться к деликту по общему праву [Ibidem. P. 165] (D. 49. 16. 5. 2; *Petr. Sat.* 83). Это относится, в частности, к воровству: осужденный за воровство подлежал позорящей отставке<sup>2</sup>, но была ли она следствием бесчестия, налагаемого на осужденного вора, или же представляла собой военное наказание, остается неясным. Первоочередность рассмотрения дел с участием воинов по своему происхождению с таким средством преторской защиты, как *restitutio in integrum*, которое использовалось, чтобы «устранить некоторые вредные последствия гражданского права так, как будто они вообще не наступали» [Бартошек, 1989, с. 278]. Претор

<sup>1</sup> См., например: [Cavenaile, 1958, No. 212], где говорится о том, что префект лагеря назначает в качестве судьи центуриона (*iudicem dat*). См. также: [Youtie, 1978, p. 286—292].

<sup>2</sup> Известно, что воин, уличенный в банном воровстве (*furtum balnearium*), подлежит позорящей отставке (D. 47. 17. 3). Примечательно, что такое наказание является более серьезным, нежели за кражу оружия, за которую полагалось только разжалование (D. 49. 16. 3. 14). Возможно, в данном случае применялся тот принцип, формулировку которого дает Эмилий Макр в D. 48. 19. 14: *quaedam delicta pagano aut nullam aut levioerem роenam irrogant, militi vero graviorem* («за некоторые проступки на штатского человека налагается либо более легкое наказание, либо никакого, на воина же — более тяжелое»). Здесь Макр ссылается на Менандра, который писал о наказании воина смертью за занятие актерским ремеслом или продажу себя в рабство.

в таких делах принимал во внимание такое уважительное обстоятельство, как *absentia rei publicae causa* («отсутствие по государственным делам»). По словам Сцеволы, «все воины, которые не могут безопасно покинуть знамена, считаются отсутствующими по государственным делам»<sup>1</sup>. Соответствующие нормы закрепляются, конкретизируются и прилагаются к различным ситуациям<sup>2</sup>. Распространение этого принципа на рядовых солдат было существенной привилегией (в эпоху Республики ею обладали прежде всего магистраты и лица, их сопровождающие) и означало признание их особого социoproфессионального статуса<sup>3</sup>. Вместе с тем претор сохранял уважение к основным правилам формулярного процесса, чтобы не допустить отступлений в пользу людей, слишком склонных к тяжбам (см., например, D. 5. 1. 7).

В связи с тем же фактором — выполнением государственных обязанностей — находятся еще два особых исключения для воинов в сфере гражданского процессуального права.

Во-первых, согласно рескрипту императора Адриана, воины не должны были вызываться для дачи свидетельских показаний, отвлекаясь от своих служебных обязанностей, тем более если процесс происходил далеко от мест дислокации воинской части<sup>4</sup>. В этом отношении, по свидетельству Сцеволы, люди военные приравнивались к больным старикам (*senes valetudinarii*) и тем, кто вместе с магистратом отсутствует по государственным делам (D. 22. 5. 8). Нельзя исключать, что Ювенал, подчеркивая в своей XVI сатире, что «солдат не должен судиться вне вала», прямо критикует Адриана, установившего соответствующую норму [Courtney, 2013, p. 542]. Но, на наш взгляд, правильнее считать, что Адриан, стремившийся, как известно, всемерно укрепить дисциплину в армии, последовательно следовал традиционному дисциплинарному принципу, согласно которому воинам запрещалось покидать знамена, т. е. место службы (D. 22. 5. 60) [D'Orgeval, 1950, p. 87, 348–351].

Во-вторых, воин, имея право назначить поверенного для ведения собственных дел, сам, согласно эдикту, не мог выступать в качестве поверенного третьих лиц (D. 3. 3. 8 pr.; 22. 1. 23; 2); в этом отношении он ставится в один ряд с *minores (adulescentes)* (D. 8. 8. 1). Примечательное пояснение к этой норме дает Александр Север в рескрипте воину Макрину (223 г. н.э.): военнoслужашего не следует привлекать в качестве поверенного ни отца, ни матери, ни жены, ибо общественная польза не допускает, чтобы он брал на себя защиту чужого дела в суде, или улаживал чужие дела, или

<sup>1</sup> D. 4. 6. 45: *Milites omnes, qui discedere signis sine periculo non possunt, rei publicae causa abesse intellegitur.*

<sup>2</sup> Например, к вопросу о том, применимо ли считать солдата, находящегося в отпуске, «отсутствующим по делам государства» (D. 4. 6. 35. 9, Paulus). Другие примеры и ситуации см.: D. 4. 6. 35. 4; 4. 6. 36; 4. 6. 41; 49. 16. 1; 50. 4. 3. 10; 50. 4. 18. 29 и др.

<sup>3</sup> Подробнее см.: [Vendrand-Voyer, 1983, p. 159 suiv., 164].

<sup>4</sup> D. 22. 5. 3. 6 (Callistratus): *testes non temere evocandi sunt per longum iter et multo minus milites avocandi sunt a signis vel muneribus perhibendi testimonii causa, idque divus Hadrianus rescripsit.*

выступал в качестве ходатая<sup>1</sup>. Однако из этого правила делались весьма показательные исключения. Они, во-первых, касались того, кто назначался поверенным в своих собственных интересах (*in rem suam procurator datus*); а во-вторых, тех, кто вел общее дело своего подразделения — *communiam causam omnis sui numeri* (D. 3. 3. 8. 2). Характерно также разъяснение, даваемое по этому поводу в еще одной конституции Александра Севера: те, кто находится на военной службе, могут вести свои дела, если при этом не нарушается дисциплина, нельзя ведь сказать, что тот, кто порученные ему дела исполнял достойным образом, занимается чужим делом в том случае, если ведет свое дело. «Запрещать это моим воинам не только нелепо, но даже и несправедливо»<sup>2</sup>.

Наконец, следует отметить, что, как и в некоторых других отношениях<sup>3</sup>, в процессуальном праве за воинами признавалась и такая привилегия, как освобождение от ответственности вследствие незнания права (*ignorantia iuris*), — привилегия, которая, вопреки общему принципу, гласившему *ignorantia iuris non excusat*, предоставлялась им наравне с женщинами и несовершеннолетними<sup>4</sup>. *Simplicitas armatae militiae* («простодушие, присущее людям военным»), которым как раз и оправдывалось неосведомленность в праве<sup>5</sup>) позволяла воину вопреки общим принципам процессуального права добиться корректировки судебного решения, воспользовавшись теми средствами защиты, которые не были применены из-за неосведомленности [Jung, 1982, S. 962 f.] (Cod. Iust. I. 18. 1).

Таким образом, рассмотренный материал позволяет сделать вывод об определенной двойственности правового статуса военнослужащих императорской армии в гражданско-процессуальной сфере. Те отступления от базовых принципов, которые делались законодательством (прежде всего императорскими конституциями) в их пользу, давали воинам существенные преимущества и льготы, и обуславливались они в первую очередь требованиями воинской дисциплины и самим характером службы в

<sup>1</sup> Cod. Iust. II. 12 (13). 7: *Milem nec pro patre vel matre vel uxore nec ex sacro rescripto procuratorio nomine experiri portet, cum neque defensionem alienam suscipere vel redimere negotia vel quasi suffragatorem accedere utilitate pblica permittatur*. Cp. Inst. IV. 13. 11: *... nam militibus nec pro patre vel matre vel uxore ex sacro rescripto procuratorio nomine experiri concenditur; suis vero negotiis superesse sine offensa disciplinae possunt*. Возможно, этот запрет был установлен еще Августом см.: [Jung, 1982, S. 950].

<sup>2</sup> Cod. Iust. II. 12. 9: *Qui stipendia merent, suis negotiis superesse inoffensa disciplina possunt: nec potest dici eum, qui honesta et verecundia praecedente causa mandatas sibi actiones exercuerit, alieno negotio fungi, cum, licet intentio ex persona alterius bona fide sumatur, hunc tamen rem suam gerere non ambigitur. quod militibus meis interdicti non modo absurdum, verum etiam iniquum est*.

<sup>3</sup> В частности, это касалось наследственного права, предоставлявшего воинам возможность свободного составления завещания (D. 22. 6. 9. 1; Cod. Iust. IX. 23. 5).

<sup>4</sup> D. 1. 9. 1 (Paulus): *miles... per constitutiones principales ius ignorare potest*.

<sup>5</sup> *Gai.* Inst. II. 109; 114; 163; Cod. Iust. VI. 21. 3. Юстиниан, ссылаясь на предписания императора Гордиана об извинительности для воинов не знать права в наследственных делах, поясняет: «Ведь священнейший законодатель полагал, что воинам лучше знакомо оружие, чем право» (Cod. Iust. VI. 30. 22 pr.: *Arma etenim magis, quam iura scire milites sacratissimus legislator existimavit*).

постоянной профессиональной армии. В то же время солдаты продолжали рассматриваться как граждане, в отношении которых в обычных (мирных) условиях продолжали действовать общие нормы и принципы. В своей совокупности рассмотренные привилегии были выражением той характерной для позднеклассического права тенденции к юридическому оформлению особого военного «сословия», которая проявлялась также в сфере имущественного и наследственного права. Как представляется, отразившиеся в литературно-художественных и историографических текстах представления о своеобразии «чинимого в военных лагерях правосудия» можно рассматривать не только как свидетельства реальной процессуальной практики, но как одно из выражений указанной тенденции. Официально-юридическое признание «простодушия воинов» в правовых вопросах, упрощение порядка рассмотрения дел с участием военнослужащих, вошедшие в обычай преференции со стороны преторского права, применение разного рода юридических фикций, призванных смягчить острые коллизии между дисциплинарными требованиями и гражданским статусом легионеров, — все это, несомненно, влияло на то, как армейская среда в целом и положение солдат воспринимались со стороны гражданского общества.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Behrends O.* Die römische Geschworenenverfassung: Ein Rekonstruktionsversuch. Göttingen, 1970.
2. *Blois L., de.* Volk und Soldaten bei Cassius Dio // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung / Hrsg. von W. Haase, H. Temporini. Tl. II. Bd 34. 3. Berlin—New York, 1997. S. 2650–2676.
3. *Cavenaile R.* Corpus Papyrorum Latinarum. Wiesbaden, 1958.
4. *Clark M. E.* Juvenal, Satire 16: Fragmentary Justice // Illinois Classical Studies. 1988. Vol. 13. No. 1. P. 113–125.
5. *Courtney E.* A Commentary on the Satires of Juvenal. Berkeley, 2013 (1<sup>st</sup> edition: London, 1980).
6. *D'Orgeval B.* L'empereur Hadrien. Œuvre législative et administrative. Paris, 1950.
7. *Davenport C.* Cassius Dio and Caracalla // The Classical Quarterly. 2012. Vol. 62. No. 2. P. 796–815.
8. *Durry M.* Juvénal et les prétoriens // Revue des Études Latines. 1935. T. 13. P. 95—106.
9. *Durry M.* Les cohortes prétoriennes. Paris, 1938.
10. *Ercole P.* La satira 16 di Giovenale // Athenaeum. 1930. Vol. 8. P. 346–360.
11. *Fargnoli I.* Mille taedia, mille morae. Zur Dauer des Prozesses in Juvenals Satire // Liber amicorum Christoph Krampe zum 70. Geburtstag / Hrsg. M. Armgardt, F. Klinck, I. Reichard. Berlin, 2013. S. 99–109.
12. *Giuffrè V.* I 'militēs' ed il 'commune ius privatorum' // The Impact of the Roman Army (200 BC—AD 476): Economic, Political, Religious and Cultural Aspects / Ed. L. De Blois and E. Lo Cascio. Leiden—Boston, 2007. P. 129–148.
13. *Hight G.* Juvenal the Satirist. Oxford, 1954.
14. *Jung J. H.* Die Rechtsstellung der römischen Soldaten: Ihre Entwicklung von den Anfängen Roms bis auf Diokletian // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung / Hrsg. von W. Haase, H. Temporini. Tl. II. Bd 14. Berlin—New York, 1982. S. 882–1013.
15. *Mommsen Th.* Römisches Strafrecht. Leipzig, 1899.

16. *Phang S. E.* Roman Military Service. Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate. Cambridge—New York, 2008.
17. *Sander E.* Das Recht des römischen Soldaten // Rheinisches Museum für Philologie. 1958. Bd. 101. S. 152–191; 193–234.
18. *Sander E.* Das römische Militärstrafrecht // Rheinisches Museum für Philologie. 1960. Bd. 103. S. 289–319.
19. *Vendrand-Voyer J.* Normes civiques et métier militaire à Rome sous le Principat. Clermont, 1983.
20. *Youtie H. C.* Four Short Texts on Papyrus // Zeitschrift für Papirologie und Epigraphik. 1978. Bd. 29. P. 286–292.
21. *Zeiller J.* Paganus. Étude de terminologie historique. Thèse pour le Doctorat ès-lettres. Fribourg—Paris, 1917.
22. *Бартошек М.* Римское право: Понятия, термины, определения / Пер. с чешск. М., 1989.
23. *Махлаюк А. В.* Реалии профессиональной армии и творчество римских юристов // Социальное творчество и культурные коммуникации в прошлом и настоящем. Творчество Н. А. Добролюбова и его современников / Под ред. В. М. Строецкого. Н. Новгород, 2005. С. 60–67.
24. *Махлаюк А. В.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006.
25. *Махлаюк А.В.* Подвластный сын на военной службе: patria potestas, peculium castrense и социальный статус легионеров в эпоху Империи // ВДИ. 2007. № 1. С. 130–142.
26. *Махлаюк А.В.* Римское право и профессия воина // История древних цивилизаций. Государство и право Древнего Рима: Учебно-методическое пособие. Вып. 1 / Под общ. ред. В.И. Кузищина. Н. Новгород, 2006. С. 213–244.

*Поступила в редакцию 28.04.2014*